

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ УСТОЙЧИВОСТИ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА (КОЧАРОВСКИЙ КАРЛ РОМАНОВИЧ)

DEVELOPMENT OF THE THEORY OF SUSTAINABILITY OF PEASANT FARMING (KOCHAROVSKY KARL ROMANOVICH)

G. Nintsieva

Summary. Being an agricultural economist, Kocharovsky K.R. was an ardent supporter of the theory of sustainability of labor peasant farms. These thoughts of the author will be discussed in the article. Kocharovsky K.R. suggested paying attention to the fact that production processes in agriculture are organic, and not mechanical, as is observed in industry. Secondly, talking about agriculture, he noted that the costs of «artificial restoration of productivity» are very high and make this process unprofitable. Thirdly, peasant farming is of a consumer nature. Fourthly, it was important for Kocharovsky to show in this work the integrity, the universality of the earth and life on the earth. A study of all the statistics given by Kocharovsky on the mobilization of land in Russia, which he organized in 1908, indicates that as a result of the «automatic» competition of farms, there is no strengthening or absorption of capitalist farms, on the contrary; their fragmentation and absorption by the latter. To summarize, we can say that the competitive struggle in Russian agriculture led not to capitalization, but to decapitalization. And Kocharovsky showed not only in Russia, but also in many European countries. This is what is discussed in this article, and Kocharovsky tried to defend the theory of the sustainability of the labor peasant economy and the «decapitalization» of the agricultural economy. And since the liberal economists of the Russian diaspora and the populist economists are two different currents of socio-economic thought that differ from each other, and interpreted these phenomena from diametrically opposed positions, one may get the impression that the question of uniting such different scientists has finally arisen. However, the fact is that the liberals saw a sustainable peasant economy based on the principles of individualism and carried out on land owned by the owner as private property, while Kocharovsky «sang the sustainability» of peasants united in communities and running their farms on communal land.

Keywords: individual quality of labor, labor peasant farms, universality of land, capitalization, decapitalization.

Нинциева Галина Васильевна

*Доктор экономических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»
nincieva@yandex.ru*

Аннотация. Являясь аграрным экономистом, Кочаровский К.Р. был горячим приверженцем теории устойчивости трудовых крестьянских хозяйств. Об этих размышлениях автора и пойдет речь в статье. Кочаровский К.Р. предложил обратить внимание на то, что процессы производства в сельском хозяйстве органичны, а не механичны как это наблюдается в индустрии. Во-вторых, рассказывая о земледелии он отмечал, что затраты на «искусственное восстановление продуктивности» очень велики и делают этот процесс маловыгодным. В-третьих, крестьянское хозяйство имеет потребительный характер. В-четвертых, Кочаровскому важно было показать в этой работе интегральность, универсальность земли и жизни при земле. Изучение всей статистики, данной Кочаровским по мобилизации земли в России, которую он организовал в 1908 году, свидетельствует о том, что в результате «автоматической» конкуренции хозяйств происходит не укрепление и не поглощение капиталистических хозяйств, наоборот; их раздробление и поглощение последними. Подводя итог можно сказать, что конкурентная борьба в сельском хозяйстве России вела не к капитализации, а к декапитализации. И не только в России показал Кочаровский, но и во многих странах Европы. Об этом идет речь в этой статье, и Кочаровский пытался отстоять теорию устойчивости трудового крестьянского хозяйства и «декапитализации» аграрной экономики. А так как либеральные экономисты русского зарубежья и экономисты-народники — это два разных течения общественно-экономической мысли, которые отличаются друг от друга, и трактовали эти явления с диаметрально противоположных позиций, может сложиться впечатление, что наконец появился вопрос объединения столь разных ученых. Однако, дело в том, что либералы видели устойчивое крестьянское хозяйство, основанное на принципах индивидуализма и ведущееся на земле, принадлежащей хозяину на правах частной собственности, а Кочаровский «воспевал устойчивость» крестьян, объединенных в общины и ведущих свое хозяйство на общинной земле.

Ключевые слова: индивидуальная качественность труда, трудовые крестьянские хозяйства, универсальность земли, капитализация, декапитализация.

Кочаровский Карл Романович (16.08.1870 – ?) — крупный российский экономист. Кочаровский К.Р. родился в Одессе в дворянской семье. В 1880–86 учился в симферопольской, а затем 7-ой петербургской гимназиях. Однако из последней он ушел, не закончив ее. Дело в том, что по приезде в Петербург Кочаровский установил связи с народолюбцами и с головой погрузился в пропагандистско-агитационную работу. В 1888–90 юноша стал одним из организаторов и идеологов

«петербургского террористического кружка», ставившего перед собой задачу объединения сохранившихся народолюбческих сил для возрождения систематической террористической борьбы с правительством с целью достижения прежде всего политической свободы. В августе 1890 был арестован и до декабря сего года содержался в Петропавловской крепости, где заболел нервным расстройством и был переведен в арестантское отделение больницы Николая Чудотворца. В январе 1892 по высо-

чайшему повелению Кочаровский был выслан в Западную Сибирь сроком на 5 лет. В Сибири он начал работу над своим фундаментальным, ставшим буквально выдающимся, единственным в мировой литературе по степени научной обстоятельности экономико-статистическим трудом о русской общине. Здесь же по результатам своих исследований аграрного вопроса написал ряд статей, которые были опубликованы в центральных журналах («Русское богатство», «Новое слово» и др.).

По окончании срока ссылки (1897) Кочаровский вернулся в Европейскую Россию и поселился вначале в Крыму в Симферополе, а затем в Саратове, где продолжил пропагандистскую антиправительственную деятельность, перейдя на нелегальное положение. По своим политическим убеждениям более всего примыкал к партии социалистов-революционеров, но формально в ней не состоял.

Со времен Первой русской революции 1905–1907 гг. Кочаровский увлекся идеей теоретического обновления народничества, полагая, что ни один из четырех крупнейших мыслителей этого направления (Герцен, Чернышевский, Лавров, Михайловский) так и не дал цельной и детально разработанной мировоззренческой картины общественно-экономического развития России в контексте мировых социальных процессов. Признавая определенные достижения более молодых теоретиков народничества, таких как Пешехонов и Чернов, Кочаровский не склонен был их преувеличивать, относя их заслуги к области «теории народнической практики» и считая, что они оставляют в стороне центральные философско-теоретические проблемы. После Первой революции 1905–07 гг. Кочаровский окончательно отошел от политической деятельности и все свое время посвящал научно-теоретической работе, которую активно продолжил в «белой» эмиграции. Жил в Италии и Франции. Год и обстоятельства смерти, к сожалению, неизвестны.

Называя К.Р. Кочаровского экономистом, мы должны подчеркнуть, что этот ученый был прежде всего крупнейшим в русском народничестве аграрным экономистом. Как и многие другие аграрники, он являлся горячим приверженцем теории устойчивости трудовых крестьянских хозяйств, которую всесторонне аргументировал. О размышлениях автора на указанную тему я уже писала, освещая его полемику с либеральным экономистом Б.Д. Бруцкусом. Здесь, однако, вполне уместно вернуться к ним вновь.

Так же, как и Бруцкус, правда, с большей осторожностью, Кочаровский утверждал, что крупные капиталистические предприятия в сельском хозяйстве, если и превосходят целесообразностью и производительностью мелкие трудовые предприятия, то далеко не так,

как в индустрии. Зато мелкие трудовые хозяйства «могут оказываться в земледелии не менее, а иногда и более жизнеспособными, чем крупные, капиталистические» [1, 173–174].

Почему это возможно? Кочаровский предложил чеканный ответ на этот вопрос. Во-первых, вслед за Э. Давидом он констатировал факт, в соответствии с которым процессы производства в сельском хозяйстве органичны, а не механичны, как в индустрии. Поэтому они гораздо меньше поддаются механизации и машинизации, в них на первом плане «индивидуальная качественность труда».

Во-вторых, земледелие связано с убыванием плодородия, с истощением продукта и с необходимостью «искусственного восстановления продуктивности». Эти затраты на поддержание и развитие продуктивности так велики, что поглощают часть прибыли капиталистического земледелия и делают его сравнительно маловыгодным. Если оно еще может превышать крестьянское земледелие производительностью труда, т.е. продуктивностью на единицу рабочего времени, то крестьянское земледелие побивает его производительностью земли, т.е. количеством продукта с единицы площади. А с ростом населения, с сокращением и истощением земли это обстоятельство выступает на первый план.

В-третьих, крестьянское хозяйство имеет потребительный характер. Удовлетворяя свои главные потребности продуктами своего хозяйства, крестьянин уже достигает своей основной хозяйственной цели, обеспечивая существование своей семьи.

В-четвертых, добавлял Кочаровский, крайне важна интегральность, универсальность земли и жизни при земле. В земледельческом труде, в непосредственной связи с природой определяется не только хозяйство крестьянина, но весь его быт, культура, этические, эстетические, религиозные, социально-политические переживания и целестремления. В этой атмосфере складывается особый социальный тип крестьянина, «любящего землю», органично срастающегося с землей [1, 174–175].

Изучение статистических данных по мобилизации земли в России, организованное Кочаровским еще в 1908 году, неопровержимо свидетельствовало о том, что в результате «автоматической» конкуренции капиталистических и крестьянских хозяйств происходило отнюдь не укрупнение капиталистических хозяйств и не поглощение ими трудовых хозяйств, а наоборот, их раздробление и поглощение последними. Иначе говоря, конкурентная борьба в сельском хозяйстве России неуклонно вела не к капитализации, а к декапитализации. И не только в России. Статистические наблюдения сельского хозяйства в западных странах, по утверждению

Кочаровского, установили, что и здесь мелкое трудовое земледелие отнюдь не вытесняется крупным капиталистическим. Скорее, наоборот, в некоторых странах, например, в Германии, «капиталистическое землевладение уступает мелкому, притом не мельчайшему «карликовому», полубатрацкому, ... а крепкому «средняцкому» [1, 177]. Отсюда ученый сделал вывод, согласно которому «ни в Европе, ни в Америке капиталистического обобществления через автоматический естественный отбор хозяйств совершенно не наблюдается» [1, 175–176].

Но если капитализм в сельском хозяйстве «совершенно не наблюдается», как тогда быть с известным положением марксистских экономистов, в соответствии с которым «дело обстоит ровно наоборот»: процесс капитализации сельского хозяйства осуществляется безостановочно, и происходит он через механизм классовой дифференциации крестьянства?

Отвечая на этот вопрос, Кочаровский писал, что тезис о классовой дифференциации находится в вопиющем противоречии как с логикой, так и со статистическими данными. По его мнению, в аграрном строе отсутствует классовая дифференциация, более того, крестьянская масса, хотя она и не вполне однородна, эволюционирует скорее в направлении нивелировки, нежели классового расслоения, поскольку почти все крестьяне ведут свои хозяйства отнюдь не с целью максимального увеличения доходов, а только для удовлетворения потребностей крестьянской семьи. Такое понимание целей крестьянского хозяйствования привело ученого к интересной концепции «капиталистического отслоения».

Совершенно напрасно марксисты называют деревенского «кулака» капиталистом. Это, говорил автор, скорее тип мелкого зародышевого «феодала», разросшийся «на закабалении бедняков, на хищническом кредите и торговле (в том числе на «торговле землей», преимущественно в виде передачи), — а вовсе не на устройении прочного интенсивного сельского хозяйства» [1, 177]. Но важно, продолжал ученый, то, что подобный «кулацкий аграрный капиталист, усилившись, оперившись, затем, — именно вследствие меньших шансов, меньшей доходности капитала в земледелии, — не превращается в крупного культурного сельского хозяина, а уходит в торговлю, в спекуляцию, в индустрию» [1, 177–178].

А что же происходит на другом, «пролетарском» полюсе? То же самое. «Точно так же и окончательно ослабевший пролетаризовавшийся крестьянин не остается в деревне, где ему почти нет заработка, а идет в город, в индустрию». И, таким образом, благодаря этому уходу из деревни зарождающихся капиталистов и пролетариев, в ней происходит «не капиталистическое расслоение, а капиталистическое отслоение. В деревне, — повторял свою мысль Кочаровский, — не происходит капитали-

стического расслоения отчасти именно потому, что совершается капиталистическое отслоение. Основной массив капитализма — город и индустрия — беспрерывно высасывает из деревни родственные ему капиталистические эмбрионы и тем беспрерывно дистиллирует, очищает ее как трудовую стихию, как огромное море трудового хозяйства и быта» [1, 178].

Самое главное, однако, заключается, по автору, в том, что само это зарождение внутри крестьянства «пролетарско-капиталистических эмбрионов» далеко не так сильно, как принято думать. Разумеется, признавал Кочаровский, стомиллионное крестьянство России неоднородно: географически, исторически, этнографически и т.д. Кроме того, даже в каждой отдельной деревне встречается чрезвычайное разнообразие человеческих типов и семейных союзов: с одной стороны, людей здоровых, работающих, талантливых, инициативных, а также семей крупных, сильнорабочих, дружных; с другой — людей больных, пьяниц, тупых, косных, а также семей мелких, слаборбочих, разлагающихся. Между этими полюсами — множество средних типов. Поэтому в каждый данный момент и в каждом, даже самом малом районе можно различать десятки типов «семей-хозяйств».

Но разве неоднородность крестьянства носит капиталистический характер? И приводит ли она к классовому расслоению? Нет, отвечал Кочаровский, эта неоднородность «некапиталистична» и она не развивается, более того, она уменьшается. Неравенства людей и семей «суть неравенства биологического, культурного, социального характера, и их можно определить, — за отсутствием другого лучшего слова, — не как зачаточный капитализм, а скорее, как зачаточный «феодализм» — как преобладание не только экономическое, но и культурное и политическое, вообще социальное, — сильных физически и духовно людей и сильны по складу семей над слабыми. Но это неравенство — хроническое, не развивающееся, ибо отдельные неравенства преходящи...» [1, 179]. И этот преходящий характер постепенно «выравнивает» крестьянство в социально-правовом смысле, сокращая «кулачное право» кулака, «богатыря», — этого мелкого зародышевого «феодала» деревни.

Таким образом, резюмировал Кочаровский, ни о какой классовой социально-экономической дифференциации, говорить неправомерно. Наряду с «декапитализацией» происходит не классовое расслоение крестьянства, а продолжение и даже усиление однородности крестьянской хозяйствующей массы за счет «отслоения пролетарско-капиталистических эмбрионов» из деревни и за счет «дефеодализации» крестьянства, его социального выравнивания в результате распространения просвещения, совершенствования правовых механизмов, «смягчения нравов» и т.п. [1, 180–183].

Как видим, не только либеральные экономисты русского зарубежья, такие, как Б.Д. Бруцкус, Д.Н. Иванцов, В.А. Косинский и др., но и экономисты-народники в лице прежде всего К.Р. Кочаровского отстаивали теорию устойчивости трудового крестьянского хозяйства и «декапитализации» аграрной экономики. А поскольку это два резко отстоящих друг от друга течения общественно-экономической мысли, представители которых очень многие явления и процессы трактовали с диаметрально противоположных позиций, у читателя может сложиться

впечатление, что наконец-то появился вопрос, объединивший столь разных ученых. Однако, не следует торопиться с подобным выводом. Дело в том, что либералы видели устойчивое крестьянское хозяйство, основанное на принципах индивидуализма и ведущееся на земле, принадлежащей хозяину на правах частной собственности; Кочаровский же с кипучей энергией «воспевал устойчивость» крестьян, объединенных в общины и ведущих свои хозяйства на общинной земле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кочаровский К.Р. Обобществление сельского хозяйства в России // Записи института изучения России. — Прага, 1925. — №2.
2. Нинциева Г.В. Основные течения экономической мысли русской эмиграции 20-50-х годов XX столетия: диссертация ... доктора экономических наук: 08.00.01. — Санкт-Петербург, 2004. — 313 с.
3. Нинциева Г.В. Экономическая мысль русской эмиграции 20-5-х годов XX столетия: монография. — СПб., 2004. — 208 с.
4. Творческая мысль российских экономистов-эмигрантов «первой волны»: энциклопедический словарь в 5 томах / Корицкий Э.Б., Нинциева Г.В., Щербаковский Г.З. — Франкфурт на Майне, 2008. — Т.3.

© Нинциева Галина Васильевна (nincieva@yandex.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»